

В.Н.Дахин,
доктор исторических наук,
Институт мировой экономики и
международных отношений РАН

Некоторые вопросы анализа российской власти

Тема седьмого симпозиума в определенной степени возвращает нас к первой встрече в конце 1993 г., когда мы обсуждали альтернативы общественного развития. Уже тогда некоторые участники (и я в том числе) поднимали вопрос об историческом характере власти в России, диктующем эволюцию отношений в триаде "власть — общество — личность" и, таким образом, задающем общественное развитие нашей страны в том или ином направлении. Социально-экономическая модель развития России окончательно определилась в прошедшее десятилетие, и вряд ли можно говорить о существовании альтернативы в этой сфере общественной жизни. Но в политической сфере — демократической системе властных отношений — определенности пока нет. Это-то и делает тему нашего нынешнего симпозиума предельно актуальной.

Конечно, можно говорить и о становлении политической системы, соответствующей новой социально-экономической основе нашей жизни. Однако говорить об ее утверждении пока еще рано. До достижения политической стабильности, нормального функционирования демократических институтов, соответствующих определенному Конституцией РФ политическому режиму, пока еще далеко. Утвердившаяся не без революционных потрясений модель президентской республики не оказалась тем стабилизирующим фактором, который, по мнению многих наших политологов, открыл бы дорогу общественному прогрессу России в иной парадигме развития.

В этой аудитории нет необходимости напоминать о том, как модель президентской республики превратилась в режим личной власти и какое значение это имело для искажения социально-экономического развития. Важнее определить, почему было искажено становление новой парадигмы общественного развития.

В постановке проблемы нашего симпозиума, на мой взгляд, уже заложены ответы на эти вопросы. Коллега В.Шелохаев хорошо изложил историческую канву политического цикла России через известные социальные разломы. А.Здравомыслов и В.Федотова попытались — каждый со своей точки зрения — ввести фактологию в рамки теории, однако только у А.Здравомыслова прозвучал социологический подход, но не к влиянию рассматриваемой нами триады на развитие нашей страны, а к попытке исследовать наши реалии исходя из концепций взаимоотношений власти и общества.

Вместе с тем в этой позиции достаточно уязвимых мест (о чем свидетельствует развернувшаяся дискуссия), потому что, на мой взгляд, политологический подход к теории и практике был подчинен социологическому. Поэтому проблема политической власти постоянно прорывается через интересные и полезные социологические подходы. Однако у меня возникло несколько вопросов, призванных все-таки ввести дискуссию в рамки рассматриваемой нами проблемы.

Первый вопрос возник, когда коллега В.Шелохаев ввел в качестве константы развития России в XX в. "постоянный конфликт власти и общества". Вряд ли это так. Взаимоотношения власти и общества в России можно охарактеризовать как дуализм — параллельное развитие, лишь соприкасающееся в периоды кризисов. В остальное время власть и общество существовали как бы сами по себе. При этом в дуализм нужно вводить еще один фактор: в силу нашей исторической специфики общество находилось на обочине политического процесса в нашей стране (достаточно напомнить милоковское определение российской специфики: на Западе сословия создавали государство, в России государство создавало сословия...).

Второй вопрос касается категории "российское общество". Например, Поппером оно охарактеризовано как закрытое, т.е. мы постоянно должны делать поправку на специфику "безгражданственности" российского общества, маргинального как по составу, так и

по месту в политических отношениях. Если мы будем исходить из такого понимания общества, не являвшегося (да и не являющегося до сих пор) самостоятельной силой, отделенной от политики, не самоорганизованного, то тогда станет ясным резкое изменение политического поведения, быстрая смена ценностей и того, что мы называем общественным сознанием, вряд ли объяснимая в системе обычных подходов. Дуализм общества и власти, маргинальность первого по отношению ко второй вели к тому, что в постоянном конфликте с властью находилось радикальное меньшинство того, что мы называем российским обществом. И именно оно в периоды очередного исчерпания потенции того или иного политического режима, ведомое революционным нетерпением, увлекало в этот конфликт все общество, навязывая ему свои ценности, свою линию поведения, свой способ действий тотального революционного отрицания прошлого, поиска новой модели в прошлом, на стороне и т.д.

Этим же можно объяснить и то, что добившись хотя бы частично своего, радикальное меньшинство либо быстро превращалось из диссидентов в проминентов, либо снова становилось в оппозицию власти. Личности в этой системе взаимоотношений в принципе места не было: большая часть населения (российское общество) почти постоянно находилась в состоянии подданных, а не граждан (индивидов в западном понимании личности), т.е. была практически лишена либо естественных, либо гражданских прав (либо тех и других), не говоря уже о правах индивидуальных. Именно поэтому, по выражению В.Федотовой, в периоды смены парадигм развития население понимало "свободу как волю", т.е. вседозволенность, ведущую к установлению "анархического порядка".

Основную роль в создании революционных кризисов играла власть опять же в силу той специфики, которую она приобрела в ходе политического развития страны. Конечно, в определенные периоды становления нашего государства власть должна быть централизованной, самодостаточной, авторитарной. Только так можно было решить стоящие перед страной задачи. Но именно эти черты, на Западе исправляемые обществом через революции или эволюцию, в России закрепились как ее (власти) существенные, базовые характеристики, так как произрастали на благодатной почве российской политической культуры, сложившейся как симбиоз автохтонных, восточно-деспотических и авторитарно-византийских компонентов. В такой политической культуре вопрос о взаимоотношении власти с обществом и личностью является риторическим.

Именно поэтому по мере становления российского государства национальные интересы страны в любом политическом режиме все больше рассматривались через призму самосохранения власти и тех правящих групп, которые имели и реализовывали эту власть в разные периоды.

Становлению любого политического режима в авторитарной форме способствовало и то, что исторически закреплялись такие существенные характеристики, как несменяемость власти, ее неделимость, автономия от общества. К этому следует добавить, что обладание политической властью в России всегда означало обладание собственностью или правом распоряжения ею. И именно эти черты власть воспроизводила при утверждении того или иного политического режима для самосохранения и достижения своей самодостаточности.

Однако такой путь политического развития неизбежно ведет к тупику, накоплению противоречий, кризису, революциям. Последние в России чаще всего приобретали характер "революций сверху", и их начало всегда было радикальнее завершения, ибо на начальном этапе заинтересованность как общества, так и власти в прогрессе совпадали, но для последней — не в виде формы продвижения вперед, а в виде формы снятия социально-экономических противоречий, грозящих режиму. Поэтому на начальном этапе формально совпадали интересы общества и власти, но любые серьезные преобразования неизбежно влекли за собой требования изменений в характере власти. Это приводило к тому, что эволюционный цикл (начинавшийся как революция сверху) искажался, тормозился как угрожающий существенным характеристикам власти. Интересы общества и власти расходились (за исключением двух революций, которые не удалось удержать в рамках традиционного цикла), и страна возвращалась к привычным авторитарным моделям (какую бы форму они не имели — конституционной монархии, советской власти, "молодой демократии").

Как уже говорилось, национальные интересы страны рассматривались правящей элитой через призму своих интересов — самосохранения власти, а не национально-государственных интересов. В принципе в этом нет ничего особенного. Национально-государственные интересы любой страны являются набором объективных задач и целей, реализуемых для создания оптимально благоприятных условий развития страны и общества. В то же время трактовка этих национально-государственных интересов всегда субъективна, так как трактуется и реализуется определенными политическими группами, осуществляющими (или имеющими) на данном этапе власть.

В условиях устоявшейся демократии, правового государства и гражданского общества частные интересы правящих политических групп, как правило, совпадают или подчинены объективным интересам страны, ибо они являются продуктом "общественного согласия", принимаются большей частью общества на основе консенсуса. Естественно, на стадии формирования либерально-демократического государства национально-государственные интересы подчинялись частным интересам находящихся у власти политических сил. Но этим силам приходилось постоянно доказывать свое право на власть через соответствие своих интересов национальным. С раз-

витием и становлением демократических институтов, отделением власти от собственности, ротацией власти и усилением контроля со стороны гражданского общества частные интересы все больше подчиняются национально-государственным¹.

В современной России этот процесс становления демократии искажен постоянной тенденцией к авторитаризму, к восстановлению сущностных характеристик власти, к превращению демократических институтов в механизм самосохранения власти. Но эта новая российская власть пока еще не самодостаточна, процесс не завершен, олигархи то идут во власть, то оказывают ей внешнюю поддержку, еще идет процесс формирования политической элиты, границы господствующей и правящей элит размыты, а в их рамках идет острая борьба.

Именно это объясняет "демонстративную иррациональность" (по выражению А.Здравомыслова), политическую игру без правил, отсутствие в российской политике национального интереса. Да и как преодолеть эти тенденции, если все усилия элиты направлены на утверждение самодостаточности и самосохранения власти? Для этого нужно и еще одно: оградить власть от общественного влияния (и периодически общество встряхивается рукотворными кризисами, разрушающими пока еще хрупкие и призрачные структуры гражданского общества). И опять возникает риторический вопрос: а есть ли место личности в этой системе власти?

Рассмотрение этих вопросов, на мой взгляд, способствовало бы внесению системности в дискуссию по проблемам симпозиума.

¹ Это подтверждает дуализм американской крылатой фразы, ранее используемой для доказательства, что национально-государственные интересы США подчинены интересам частных экономических групп: «Что хорошо для "Дженерал моторе", хорошо и для США». Но эта фраза может иметь и другое толкование государство (политическая власть) должно отражать интересы составляющих его социальных, экономических, этнических и других общественных групп